

Альбина
НУРИ

**СКВОЗЬ
СТРАХ**

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н90

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Н. Каптыкиной*

Нури, Альбина.

Н90 Сквозь страх : [роман] / Альбина Нури. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-190195-0

Лора счастлива с мужем Юрой, воспитывает дочку и ожидает второго ребенка. Вдруг выясняется, что Юра — потомок дворянского рода Балкуновых, которому когда-то принадлежал дом в центре города, и он имеет на него полное право. После улаживания всех формальностей семья перебирается туда, но это становится началом конца...

Постепенно Лора замечает странности: видит людей в старинной одежде, тени в зеркалах, слышит звуки пианино, хотя на нем некому играть, открытые двери вдруг оказываются закрытыми, и наоборот... Она чувствует, что сходит с ума, и обследует особняк, пытаясь узнать, что в нем творилось раньше. Старый дневник, который находит Лора, убеждает ее: в доме погибли дети. И это может случиться снова...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-190195-0

© Нури А., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Не мёртво то, что в вечности живет,
Со смертью времени и смерть умрет.

Говард Филлипс Лавкрафт

ПРОЛОГ

Это было страшное место. Самое страшное из всех, где ей доводилось бывать. Да, она была совсем мала, но за свою короткую жизнь испытала и насмотрелась столько, сколько другим и за пятьдесят лет не доведется.

Домишко, где она жила с родителями, братьями и сестрами, был тесный и темный, как собачья конура. Изуродованная нищетой и тяжелой работой мать по утрам смотрела на семерых детей хмуро и разочарованно, как будто надеялась, что за ночь их станет меньше: кто-то из отпрысков не проснется — и тогда еды нужно будет меньше.

Три мальчика и две девочки умерли, исполнив тайное желание матери, но остальные цеплялись за жизнь, упорно не желая покидать этот мир. Хотя, видит бог, ничего хорошего тут для них не

АЛЬБИНА НУРИ

было, только изнурительный труд с утра до вечера, борьба за кусок хлеба, возможность забыться в хмельном дурмане по выходным, супружество с такими же несчастными и воспроизведение новых поколений, обреченных на беспросветную нищету и отупляющую работу.

Девочка отличалась от других. Она была самой красивой не только в их семье, но и в кругу соседей, родственников, знакомых. Идеальные черты лица, волосы, струящиеся блестящей черной волной, фарфоровая кожа...

«Откуда только взялась такая», — дивились родители.

Соседка как-то сказала: едва девочка немного войдет в возраст, ее надо отправить работать на улицу — там хорошие деньги получать можно, клиенты бывают щедры к таким куколкам, пока те молоды и хороши. Поможет семье!

— Мы ей мужа отыщем богатого, — смеялась мать. — Еще лучше.

— Где его взять-то, такого? — сердился отец.

Малышку ждала злая доля — сияющие глаза, хрупкая фигурка и изящные руки не могли спасти от нее, а, наоборот, усугубляли положение. Она старалась быть полезной, помогать матери по дому, присматривать за младшими, не перечить и быть услужливой, но знала, что ее старания напрасны.

Сквозь страх

Она много раз видела уличных девиц: они ходили с непокрытыми головами и грубо размалеванными лицами, визгливо смеялись и крутили бедрами, зазывая мужчин.

Ей не хотелось становиться похожей на них, а чего хотелось, она и сама не понимала. Должно быть, уйти отсюда, оказаться подальше от постылого дома, кривой улицы, серого жестокого города... Наверное, девочка хотела этого слишком сильно, ведь когда желаешь по-настоящему отчаянно, тебе это даруют. Неизвестно только, к добру или к худу.

Девочку забрали из пропахшего грязным бельем, сыростью и кислыми щами дома на окраине. За ней приехал дорого одетый человек в красивой коляске, поговорил о чем-то с матерью и отцом — те были рады. В конце мать даже порывалась поцеловать руку тому господину, но он брезгливо отдернул ладонь.

— Иди с ним, — сказал отец, повернулся и скрылся в доме.

Мать вскользь глянула на дочь, погладила по волосам — это была первая и единственная за всю жизнь ласка — и проговорила:

— Будь послушна. Делай все, что тебе говорят, и содержи себя в чистоте.

Братья и сестры толпились у окошка. Самые младшие, поняв, что ее увозят, заплакали, не же-

АЛЬБИНА НУРИ

лая расставаться с нянькой, но их слезы остались без внимания, как и робкие вопросы девочки, которые она попыталась задать матери. Та, ни слова больше не произнеся, молча ушла в дом вслед за отцом. Дверь за ней закрылась, а девочку усадили в коляску и повезли.

Так она и очутилась тут, в месте, которое по прошествии нескольких дней стало казаться еще ужаснее отчего дома (а ведь, казалось бы, что может быть хуже?).

Ее продали — это она поняла сразу. Не поняла только, кому и зачем.

И не понимала до сих пор, хотя прошло уже больше двух недель, как она попала сюда.

Как выглядел дом со стороны улицы, девочка не знала, как не ведала и того, на какой улице он находится. Сюда не долетали звуки внешнего мира, окна в ее комнате не было, отчего помещение казалось похожим на подвал, хотя находилось на втором этаже. Раз в день девочку выводили на прогулку во внутренний дворик, на крошечный, огороженный со всех сторон пятачок. Она видела маленький цветник, старую яблоню, кусок белой стены.

Внутри дома был прохладный коридор с толстыми коврами и картинами, тусклые светильники, тяжелая резная мебель. Богатое убранство, девочке раньше не приходилось видеть ничего

Сквозь страх

подобного. Конечно, она бывала только в одной комнате, видела темную узкую лестницу для прислуги и всего один коридор. В большом доме, конечно, было много коридоров, комнат и лестниц, но девочке никто не собирался все это показывать.

Как не собирались с ней и говорить.

Ни одного ответа ни на один вопрос.

Ни единого слова, обращенного к ней.

Ни улыбки, ни дружеского или враждебного жеста.

Девочку словно не замечали, ее будто и не было, но вместе с тем вкусно и сытно кормили, мыли, застилали для нее широкую кровать с пологом. Возвращаясь с прогулки, она замечала, что в комнате прибрались: вытерли пыль, вымыли полы, вычистили отхожее место.

В первый день ее осмотрел доктор. Ощупал живот, руки и ноги, заставил открыть рот. Проверил и внизу живота, между ногами. Это было немного больно, а главное, стыдно, очень-очень стыдно, и девочка съежилась, глотая слезы.

Доктора, высокого и толстого человека с плоским лицом и вывернутыми губами, видимо, устроило то, что он увидел. Он коротко проговорил, засовывая в саквояж инструменты:

— Все в порядке. Не обманули.

Адресовал он эти слова женщине, которая стояла в углу. Позже девочка видела ее еще много

АЛЬБИНА НУРИ

раз: она заходила, чтобы поглядеть на пленницу, и молча покидала комнату. Девочка решила, что это хозяйка дома.

Женщина была красивой, но красота эта не радовала, а скорее пугала: миндалевидные черные глаза смотрели холодно, гладкая кожа казалась чересчур бледной, а слишком яркие губы — окровавленными.

Услыхав вердикт, женщина усмехнулась краем рта, изогнула бровь:

— Попробовали бы они сделать это.

Девочка, пусть и была мала, догадывалась, о чем идет речь. Все же она выросла там, где жили скученно и оттого бесстыдно, на виду у всех, не имея возможности скрыть самое интимное; где не делалось скидок на детский возраст.

Она знала, что иногда мужчины и женщины проделывают непонятные вещи, а в результате у женщины начинает вспухать живот, из которого после появляются на свет дети. А еще порой мужчины хотят делать это не только с законными женами, но и с другими женщинами (теми самыми, бесстыжими, гулящими), и готовы платить им.

Так что девочка понимала, о чем говорили доктор и хозяйка дома: родители не солгали в том, что прежде с их дочерью никто из мужчин этими вещами не занимался.

После первого появления доктор еще появлялся в комнате девочки, но осмотр был не столь

Сквозь страх

тщательным, он просто желал убедиться, что она хорошо себя чувствует, не больна, у нее нет лихорадки и простуды, не болит живот или голова.

Итак, ее хорошо кормили, внимательно следили за тем, чтобы у нее было все необходимое, давали удобную и красивую одежду, держали в чистой и теплой комнате. Но с каждым днем девочке становилось все страшнее.

Она от природы была наделена живым умом, чувствительностью и хорошим воображением, а потому не могла, как, возможно, многие другие на ее месте, просто радоваться тому, что в кои-то веки сыта, согрета, хорошо одета и обута. Не могла не думать, не волноваться, не представлять, что ждет ее в будущем, не спрашивать себя, чем ей придется расплатиться за предоставленные неизвестно почему блага.

А в том, что это не дается ей даром, она была твердо убеждена. Девочка росла в безжалостном мире и четко знала: ничего на свете не бывает просто так, за все нужно платить.

Чем же заплатит она? Что потребуется отдать людям, которые держат ее в доме, взамен на еду и тепло?

Однажды, когда ей принесли на ужин пирог из пышного теста со сладкой начинкой, а еще кисель и ароматные груши, девочке пришла в голову догадка, от которой она похолодела. Ладони

АЛЬБИНА НУРИ

сделались ледяными и влажными, а за шиворот словно насыпали снега.

Она оказалась в плену у людоедов! Мать и отец продали дочь тем, кто собирается откормить ее хорошенько, а после съесть. Как-то она слышала сказку, которую рассказал детям старьевщик.

Он был немного не в своем уме, соседские мальчишки смеялись над старичком с тележкой, полной всякого барахла, а взрослые не одергивали их, тоже считая старика сумасшедшим. Должно быть, если постоянно находиться в окружении выброшенных, сломанных, ставших ненужными своим хозяевам вещей, то и сам постепенно ломаешься, забываешь, кто ты, зачем родился на свет, о чем мечтал когда-то.

Девочка не смеялась над стариком. Более того, он казался ей хорошим человеком, лучше многих, ведь он никому не делал зла, не кричал и не ругался, не пил водки, а еще знал много историй. Когда он появлялся на их улице, девочка подходила к нему, шла рядом и слушала. Колеса тележки скрипели, глуховатый голос старика звучал успокаивающе, а его сказки открывали неизвестные миры.

Старик перестал приходить прошлой осенью. Должно быть, умер. Где он жил, девочка не знала, а то нашла бы возможность навестить его. Но старик просто пропал. Возможно, переместился в одну из своих сказок...

Сквозь страх

Появившись в последний раз, старьевщик рассказал девочке самую страшную из своих историй. То был рассказ про девочку и мальчика с чужеземными именами, которые трудно было выговорить и невозможно запомнить. Они оказались в лесу и увидели красивый дом, сделанный из сладостей: окошки-леденцы, стены из печенья и пряников, наличники и дверь из шоколада и мармелада. Девочка, которая тогда еще не проговорила почти ничего из перечисленного, кроме разве что леденцов на палочке, была в восторге — пока старьевщик не поведал, что в домике жила злая колдунья, которая заманивала в свой домик детей, а после пожирала их.

Дети оказались запертыми в милом домике, откуда не было выхода. Их посадили в клетки, и от немедленной смерти несчастных спасала лишь смекалка: старуха не желала есть отошавших детей, ей хотелось побольше сладкого, сочного мяса, поэтому она кормила свой будущий ужин. А когда хотела убедиться, что жирок нарастает, совала в клетку руку и ощупывала пленников, как повар мясо на рынке перед покупкой. Колдунья была подслеповата, и ей подсовывали косточку, а она злилась, что дети никак не желают набирать вес.

Долго это продолжаться не могло, но дети оказались находчивы: когда ведьма собралась-таки полакомиться ими, сами отправили ее в печь.

АЛЬБИНА НУРИ

У сказки был счастливый конец, но девочка долго не могла оправиться от услышанного, ставила себя на место обреченных на съедение детей, ей даже снилось, будто это ее посадили в клетку.

Глядя на стол, уставленный едой, девочка поняла, что та сказка и вправду оказалась про нее. Только теперь она знала, что у старухи нет уродливого горба, нечесаных седых волос и глубоко посаженных красных глаз, как рассказывал старьевщик. Нет. Ведьма была молода и хороша собой, однако намерения ее оставались точно такими же, как описал старик.

Девочка была так напугана, что не могла есть, а утром пришел доктор: решили, что она заболела, вот и отказывается от еды. Не спавшая всю ночь, трясущаяся от страха девочка от отчаяния решила попробовать убежать: доктор был толстым и неповоротливым; молчаливой (вероятно, даже немой) коренастой служанки, которая кормила девочку и убирала комнату, не было.

Бедняжка вывернулась из рук доктора и побежала по коридору, сама не зная, куда, в какой стороне выход. Дворик, где она гуляла, окружал высокий забор, через него не перелезешь, а калитка заперта на замок. Значит, надо попробовать найти главный вход или окно, через которое можно выбраться, или...

Сквозь страх

Ничего сделать девочка так и не успела. В конце коридора ее поджидала ведьма-людоедка, хозяйка пряничного дома.

— Далеко собралась? — насмешливо спросила она и схватила девочку за плечо.

Пальцы ее были холодными и твердыми, как каменные стены ее темницы, а хватка цепкая и сильная. Девочка забилась в руках ведьмы, а тут и доктор подоспел, пыхтя и отдуваясь, и служанка, и еще какой-то высокий седовласый человек.

Вернуть девочку в комнату им не составило никакого труда, а она изо всех сил старалась не расплакаться, чтобы не показывать им свой страх и слабость.

— С чего тебе вздумалось бежать, глупышка? — спросила хозяйка. — Разве тебе плохо тут? Хуже, чем в доме твоих никчемных родителей? Тебя холят и лелеют, как принцессу, заботятся о тебе, как никогда и никто прежде.

— Вы хотите меня съесть! — выкрикнула девочка, не давая ведьме договорить.

На красивом лице отразилось удивление, а после она рассмеялась — сухо и безрадостно, как зимний ветер, завывающий в трубе.

— Надо же, — проговорила она, отсмеявшись, — да ты у нас выдумщица! Не волнуйся, детка, тебя не собираются есть.

— А что тогда? Зачем я вам?

АЛЬБИНА НУРИ

Разумеется, ведьма не ответила, просто повернулась и ушла. С того дня девочку охраняли еще тщательнее, но она и сама уже больше не пыталась бежать: понимала, что все бесполезно.

Через несколько дней пленница проснулась утром и обнаружила, что в комнате полно людей. Тут были хозяйка, доктор, двое мужчин, а еще старуха, сидевшая в кресле напротив кровати. Не понимая, как могла не услышать их шагов, скрипа открываемой двери, перешептываний, девочка открыла глаза и села, подтянув одеяло к груди.

— Значит, вот она, — проскрипела старуха.

На ней было темно-синее платье из плотной поблескивающей ткани, ворот застегнут тяжелой камеей. Цвет платья подчеркивал болезненную желтизну кожи, губы были настолько узкими и бесцветными, что казалось, будто их вообще нет. Полный неестественно белых и крупных зубов рот открывался и закрывался, как черная дыра. Гостя выглядела не просто старой, а ветхой и хрупкой, похожей на сухое дерево, лишившееся всех своих жизненных соков.

— Велите ей встать и одеться, я хочу посмотреть, — продолжала старуха.

Девочке пришлось делать все, как она сказала.

Служанка действовала умело и ловко, и вскоре девочка была одета, умыта и причесана.

Сквозь страх

— Хорошо, — кивнула старуха. — Очень хорошо. Она действительно красива. — Губы разъехались в улыбке. — И выглядит свежей.

«Она говорит обо мне, точно я кусок мяса или рыбы, — подумала девочка. — И будто меня тут нет».

— Вы довольны? — осведомился мужчина, стоявший подле хозяйки дома. Та поглядела на него со скрытым недовольством, как будто он сказал что-то лишнее.

Старуха поднялась с кресла.

— Присматривайте за ней, — произнесла она. — Хорошенько за ней присматривайте.

Наверное, это должно было означать, что старуха довольна.

Вскоре посетители покинули комнату, и девочка осталась одна. Ей принесли завтрак, а потом вывели погулять. Крапал дождик — мелкий и бесшумный, похожий на водяную пыль, повисшую в воздухе. Девочка стояла во дворике, а служанка, вытянув руку, держала над ней раскрытый зонт.

Вот в тот момент девочка и поняла окончательно, со всей очевидностью, что ей не спастись. Не покинуть этот дом, не вернуться в большой мир.

Поняла и покорилась.

Эти люди, кем бы они ни были, может, и вовсе не людьми, сделают с нею то, что задумали.

АЛБИНА НУРИ

А ей придется подчиниться, ведь она мала, слаба и не сумеет противиться чужой воле.

Некому помочь. Некого позвать на помощь. И ничего с этим не поделать.

Дождь усиливался, и служанка увела свою подопечную в дом.

Тяжелая дверь захлопнулась за спиной у девочки, как крышка гроба.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я все еще не могу понять, как так вышло. Как все это случилось со мной, почему я позволила этому произойти.

Беспомощные вопросы, ответы на которые нужно было искать раньше.

Но, с другой стороны, это машина врывается в столб внезапно, а жизненные изменения происходят постепенно, исподволь, незаметно.

Я тоже не замечала, а когда раскрыла наконец глаза, было уже поздно. Впрочем, моя мама говорит, что никогда не бывает слишком поздно, всегда есть выход. Только вот мама не оказывалась в *такой* ситуации.

И мало кто оказывался. Потому что ситуация...

Ладно, лучше начать по порядку. Если сумею изложить все подробно, вспомнить малейшие детали, есть вероятность, что получится составить в голове полную картину, разобраться.

Получить шанс на спасение.

АЛЬБИНА НУРИ

Ведь у каждого должен быть шанс, верно? Это тоже мама говорила, и вот тут я с ней полностью согласна.

...Все началось весной, в конце марта. Вернее, конечно, намного раньше, но именно с двадцать шестого марта пошел отсчет событий. Возможно, в тот день еще существовала вероятность все изменить, но мы ею не воспользовались.

А скорее всего, даже тогда было уже поздно.

— Лора! — Голос Юры вибрировал от счастья. Кажется, он так не радовался, даже когда я согласилась выйти за него замуж. — Ты что, не поняла еще ничего? Или ты не рада?

Лора — это производное от Лауры. Так меня назвали родители, и в этом нет ничего особенно удивительного. Я родилась в Казани, а там часто дают необычные имена, особенно детям от смешанных браков (как раз мой случай: папа у меня русский, а мама — татарка). В Казани (и в целом в Татарстане) никто не удивляется, когда слышит имена вроде Эвелины, Венеры, Луизы, Альбины, Рафаэля или Альфреда. Лаура — в том же ряду.

Но в моем случае имя быстро переродилось в Лору, и мне хотелось официально закрепить эту перемену, только мама отговорила: возникнет путаница, придется менять слишком много документов, то и дело нужно будет подтверждать,

Сквозь страх

что Лаура и Лора — один и тот же человек. Да и в целом имя Лаура ей очень нравилось, мама никогда не называла меня Лорой.

Я решила, что эти сложности со сменой документов мне ни к чему. А потом окончательно выбросила эту идею из головы, потому что отправилась учиться в Быстрорецк (если честно, университетов и институтов много и в Казани, но мне захотелось перемен, самостоятельности, приключений), вскоре встретила Юру, с головой окунулась в наш бурный и прекрасный роман и вышла замуж.

В тот мартовский день, когда Юра сообщил мне потрясающую новость, мы с ним стояли в тесной кухне нашей маленькой квартирке на шестом этаже девятиэтажного дома. «Зато своя» — этими двумя словами исчерпывались все достоинства нашего жилища.

Девятиэтажка торчала в ряду своих братьев-близнецов на окраине города. Летом тут было пыльно и жарко, мало зелени и много машин. Зимой дворы заваливало снегом, и сломанная «семерка» нашего соседа, что стояла у подъезда, превращалась в гигантский сугроб, оттаивая уже по весне (вместе с пластиковыми бутылками, собачьими какашками, упаковками от чипсов и прочими «подснежниками»).

Я люблю Быстрорецк, это большой город, шумный и оживленный, как и положено мегапо-

АЛЬБИНА НУРИ

лису. Мне нравится смотреть на реку Быструю, что пронзает его серебристо-синей стрелой, я люблю гулять по старому центру, мне нравятся размах Быстрорецка и его беспокойный характер. Но спальные районы нагоняют на меня тоску. Безликие строения, захламленные балконы, однотипные детские площадки, ряды машин, припаркованных возле домов...

Тут можно всю жизнь прожить, не зная, кто обитает в соседней квартире. На тебя обратят внимание, только если ты затопишь квартиру этажом ниже или будешь бузить и орать по ночам, мешая людям заснуть.

Мы с Юрой, конечно, радовались, что имеем собственное жилье, но мечтали переехать за город, поселиться в большом доме. Особенно актуально это стало, когда появилась Ксюша: троим в однушке совсем мало места, не разминуться.

А уж когда стало ясно, что нас станет четверо!..

Материнский капитал — вот что должно будет спасти нас от тесноты. Продать эту квартиру, добавить предлагаемые государством сколько-то там сотен тысяч рублей — вот тебе и взнос за квартиру побольше. Или за дом в коттеджном поселке, если банк одобрит. Остальное мы выплатим, возьмем ипотеку, оба же работаем.

Это был хороший план. Точнее, он казался хорошим, пока на смену ему не пришел лучший. Лучшее — враг хорошего, так ведь говорится? Но